

## К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИИ *ЗАЛОГА* В СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

*В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой реализации залоговой семантики в современных восточнославянских языках*

**Ключевые слова:** *залог, категория, вербоид.*

Залог в грамматическомаспекте является одной из самых неопределённых, сложных проблем в лингвистике, что вытекает из древнейшего индоевропейского языкового состояния – номинативного по своему характеру. Как считал С. Д. Кацнельсон, «в залоговой структуре глагола на стадии древнего номинативного строя мы замечаем тенденцию трактовать всякий глагол как транзитивный... Новая ступень в развитии номинативного строя вырабатывает разряд интранзитивных глаголов и специальные средства интранзитивации. Кроме того, формируется категория страдательного залога, позволяющая полнее выразить сложные отношения, характеризующие переход действия с одного предмета на другой, именно – то обстоятельство, что при всяком переходном действии необходимо предполагаются не только активные свойства действующего лица, но и встречные свойства в предмете, подвергающемся воздействию» [1, 171].

Это древнейшее состояние в определённой степени отражается в русском языке, в котором «категория залога (если пользоваться этим термином для обозначения целого клубка разнородных лексико-грамматических явлений)... ярко обнаруживает свою сложную природу. В категории залога скрестилисьпути развития разных грамматических и лексических явлений в области глагола» [2, 501]. Между тем, подчёркивает В. В. Виноградов, «соотношение и противопоставление активных и пассивных оборотов – историческое зерно категории залога ... Но в русском языке и этот грамматический центр начинает распадаться» [2, 501].

Тем не менее стремление сделать в определённых коммуникативных целях акцент на том, что реальный носитель предикатного признака, агенс, не является грамматическим субъектом в конкретном высказывании, предполагает и стимулирует закрепление, стандартизацию, грамматикализацию некоторых языковых средств пассива. При этом, считает Г. А. Золотова, «необходимость пассивной модификации моделей со значением действия у говорящего появляется лишь тогда, когда он соединяет данные прямого наблюдения и элементы не сиюминутного, неактуального (во временном значении этого термина) значения» [3, 329]. В процессе развития грамматикализируемые средства пассива, в свою очередь, могли быть вовлечены в сферу реализации средне-возвратных, собственно-возвратных, взаимно-возвратных, пассивно-качественных и других значений. Такие трансформации залога, как известно, объясняются тем, что он отражает в себе не реалию или свойство окружающего мира, а представляет лишь человеческое восприятие этого мира через «отношения между субъектом и объектом» [4, 111].

© В. Сидорец, 2014

Противоречивость, некоторая эклектичность залога способствовали раздвоению самого термина *залог* на термины *залог* и *диатеза*. За термином *залог* остаётся то, что закреплено «определенным морфологическим изменением глагольной формы» [5,17], т.е. материальное (подлежащее, сказуемое, дополнение), а за *диатезой* – идеальное, семантическое (субъект, предикат, объект). Вопрос о диатезе и залоге получил обоснование у А. А. Холодовича [6] и был детализирован В. С. Храковским, который определяет диатезу «как соответствие между совокупностью обозначений элементов смысловой структуры, свойственной лексеме данной глагольной словоформы, и совокупностью обозначений элементов синтаксической структуры, входящих в окружение данной глагольной словоформы» [7, 142]. Отмечая интерес, который вызывает такая постановка вопроса, Л.Н. Мурзин указывает на весьма широкое понимание Холодовичем категории диатезы, в результате чего «нет достаточных оснований считать, что единственным средством выражения диатезы является залог. Если бы это было так, то диатезы не были бы универсальными категориями языка, так как они, очевидно, отсутствовали бы в языках, лишённых морфологии. Исходя же из универсальности данных категорий, мы должны предположить, что диатезы маркируются не только морфологически» [8, 119].

А. В. Бондарко акцентирует внимание на том, что в теории «залог - диатеза» учитывается только чистая соотнесённость элементов поверхностного, морфологического уровня с элементами семантического, глубинного (фактически ментально-когнитивного, понятийного. – В. С.) уровня, но не учитывается грамматическое (синтаксическое) содержание компонентов высказывания. В результате «отсутствие специального этапа анализа, который был бы нацелен на выявление тонких различий в собственно языковых значениях, приводит... к неполноте описания» [9, 59]. Естественно, «данная теория вообще не занимается определением значений актива и пассива, как правило, обходит этот вопрос» [9, 59].

Заслуживающим внимания представляется определение А. В. Бондарко категории залога: «Залог – это грамматическая категория, образуемая (поскольку речь идёт о глаголе) оппозицией таких рядов грамматических форм, значения которых отличаются друг от друга разной языковой семантической интерпретацией одного и того же понятийного соотношения “S – понятие действия – O”, что определяется различиями в соответствии между понятийными категориями S и O, с одной стороны, и синтаксическим содержанием членов предложения, репрезентирующих эти понятийные категории, с другой» [9, 60].

Осознание говорящими категории залога на понятийном уровне способствовало формированию этой категории на уровне функционально-семантическом с возможным переходом на уровень грамматический. Степень грамматикализации категории залога в определённой мере связана с ментально-когнитивным стремлением того или иного языкового социума закрепить результаты познанного (познаваемого) мира и отношения к нему стабильными речевыми средствами. Наивысшее проявление такой стабильности – выработка стандартных морфологических средств реализации понятийной категории, в данном случае – залога. Естественно, не всё проходит через горнило синтаксиса, превращаясь в стабильные морфологические показатели: часть средств остаётся в сфере синтаксиса, часть средств находится на стыке между синтаксисом, лексикой, словообразованием и морфологией и, наконец, часть средств закрепляется собственно за морфологией. Следовательно, здесь правомерен подход с точки зрения функционально-семантического

поля, поскольку те отношения, которые мы называем залоговыми, не покрываются морфологией.

На большом фактическом материале, с включением значительного исторического отрезка времени, весьма аргументированно освещена грамматикализация-морфологизация местоимения *ся* Б. Ю. Норманов в болгарском, русском и других славянских языках, что позволило ему сделать заслуживающий внимания вывод о длительном генезисе возвратного местоимения *ся*, приведшего «к такому современному состоянию, когда инвариантный семантический “знаменатель” возвратности представляет собой значение непереходности, в то время как “числитель” составляют частные (пассивное, безличное и другие) значения, степень категориальности которых в каждом из славянских языков специфична» [10, 131].

Формирование грамматической категории залога у славян связано с появлением страдательных причастий настоящего и прошедшего времени. Древнерусский язык, как отмечал профессор П.Я. Черных, унаследовал эту черту (есмь несомь, писань и т.д.) и развил новую – выражение страдательного значения «с помощью энклитического местоимения – *ся*» [11, 276], которое до XVII века могло не сливаться с переходным глаголом. Превратившись в постфикс, бывшее местоимение порождает другие возвратные значения или вообще теряет сему возвратности, обретает новые словообразовательные значения, т.е. как уже отмечалось, «в русском языке... этот грамматический центр начинает распадаться». Так, русскому глаголу *радоваться* – «испытывать радость, предаваться радости по поводу чего-л.» [12, 581] и белорусскому *радавацца* – «адчувацьрадасць, праяўляць радасць, быць у радасным настроі» [13, 553] отвечают в том же значении украинские глаголы *радіти* (более употребителен) и *радуватися* (менее употребителен с разговорным оттенком). Украинскому глаголу *дивитися* в значении «спрямувати погляд, прагнути побачити кого-, що-небудь» [14, 270] соответствуют русский и белорусский глаголы *смотреть, глядеть*. Белорусский глагол *спрачацца* в значении «весці спрэчку; прэрэчыць каму-н., даказваючы што-н.» [15, 278] имеет русское соответствие *спорить* и украинские соответствия *сперечатися, споритися, спорити*. Последний украинский пример ограничен в употреблении, с разговорным оттенком, как и производный от него глагол *проспорити*. Скорее всего они появились в украинском языке под влиянием русского языка. Значение «адчуваць злосць, сердаваць на каго-, што-небудзь. Бушаваць, лютаваць (пра з’явы прыроды)» [16, 476] передаётся белорусскими глаголами – *злаваць, злавацца*, украинскими – *злитися, злостувати, злувати* и русским – *злиться*. Близкое этому явление отмечается И.С. Улухановым [17, 191] и Н.А. Янко-Триницкой [18, 75].

Своеобразные значения невозвратного характера реализуются в глаголах *плакаться* разг., *плакаться* разг., *плакацца* разг. В русском языке представлены значения «1. Высказывать жалобы, сетования, сожаления по поводу чего-л.; жаловаться... *Кто плачется, что детей нет и что умирают, а вы плачете, что много слишком.* Л. Толстой, Детская мудрость; 2. безл. О наличии желания расположения плакать. *И верится и плачется, И так легко, легко.* Лермонтов, Молитва... *Слёз не было, не плакалось.* Астафьев, Кража» [19, 131]. Близки к ним украинские значения: «1. Скаржитися, бажаючи викликати співчуття. *Невістка... часто плакалася нашій матері, що дід їй задушить своїм тютюном* (Довж., Зач. Десна, 1957, 472)... 2. безос. (безл.). Те саме, що плакати: *Чи хто з вас, діточки, доїздив рідненького містечка коли-небудь ранком ранесеньким до рідненької*

*селитби, згадуючи разом тодішні мисльоньки свої й сподіванки, де тут плакалося і раділося* (Вовчок, I, 1955, 351)» [20, 559].

В белорусском разговорном языке также встречаются значения типа *плачацца без патрэбы, не плакалася б ты за ім, чамусьці не плачацца* (безл.), однако в словарях [21; 231], кроме «Русско-белорусского словаря» за 2012 г. [22, 661], фиксирующего только последнее, безличное значение, не отмечаются.

Несмотря на развившиеся новые значения в подавляющем большинстве случаев возвратное значение постфикса *-ся*, в той или иной мере модифицированное, сохраняется.

Как отмечалось выше, морфемный способ – не единственное средство реализации залоговых значений. Во-первых, образование возвратных глаголов не всегда возможно. Во-вторых, в процессе речи появляется множество ситуаций, потребности которых возвратные глаголы не способны удовлетворить, потому что «в славянских языках глагол не имеет самостоятельных и однозначных средств не только для выражения всего богатства и разнообразия типов субъектно-объектных отношений, заключённых в категории залога, но и для передачи отдельных залоговых значений» [23, 14]. С учётом того, что коммуникативная желательность пассива не только не ослабевает, но даже усиливается, языковая система мобилизует другие средства. В виду имеются употребляющиеся с глубокой древности коммуникативные эквиваленты глаголов – вербоиды или, как именует их В. Н. Державин, описательные обороты: «Пассивный описательный оборот создаёт ещё то несомненное практическое удобство, что он представляет собой незаменимый эквивалент пассивной (формально-возвратной) формы для глаголов, не допускающих при себе так называемого “прямого объекта”» [24, 55]. Естественно, соответствующие глагольные словоформы, которые представляют грамматическую категорию залога, являются ядром функционально-семантической категории залоговости и определяют «поведение» всех входящих в её состав языковых средств, в том числе вербоидов, неоднословных наименований предикатного признака с десемантизированным компонентом, которые играют важную роль в выражении залоговых значений и эта роль имеет тенденцию к активизации, усилению в современных восточнославянских языках.

Объяснение данного факта следует искать в специфике семантики и структуры вербоидов, весьма динамично реагирующих на запросы контекста и отличающихся от глаголов большей деривационной гибкостью: «*Известен вуз и своїми научными работами – широкое **признание** **получили** («признались») десятки подготовленных здесь монографий, учебников... для высшей і среднейшколы*» [Учит. газ., 14.05.81, 1]; «*ВНУ вядомая і сваімі навуковымі працамі – шырокае **прызнанне атрымалі** (“прызналіся”) дзесяткі падрыхтаваных тут манаграфій, падручнікаў... для вышэйшай і сярэдняй школы*»; «*Вуз відомий і своїми навуковими працями – широкое **визнання дістали** (“визналися”) десятки підготовлених тут монографій, підручників... для вищої та середньої школи*»; «*Однако это решение **вызвалопротиводействие** (“противодействовалося”) домовладельцев*» [Известия, 14.12.80, 4]; «*Аднак гэта раішэнне **выклікала процідзеянне** (“процідзаялася”) домаўласнікаў*»; «*Проте це рішення **викликало протидію** (“протидіялося”) домовласників*». Отмеченные вербоиды можно считать единственным средством передачи действия.

В романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» широко используются мощные потенциальные возможности вербоидов в процессе реализации различных залоговых зна-

чений. Так, вербоиды *получить назначение, находить поддержку* выражают семантику страдательного залога: «*Анатоль Курагин тотчас **получил назначение** («назначился») от военного министра и уехал в Молдавскую армию»* [25, 37]; «*Воззрение это, сильно распространенное в высших сферах армии, **находило себе поддержку** (поддерживалось. – В. С.) и в Петербурге, и в канцлере Румянцеве, по другим государственным причинам стоявшим тоже за мир»* [236, 29]. Если в первом примере однословный коммуникативно-синонимический эквивалент отсутствует, то во втором – существующая глагольная словоформа характеризуется разговорным оттенком и не вписывается в содержание текста.

Тот же разговорный оттенок не позволяет глагольной словоформе *помириться* «войти» в текст для передачи взаимно-возвратного залогового значения. Это значение реализует вербоид *заклочить мир*: «*Одно, что нам остается умного сделать, это **заклочить мир**, и как можно скорее, пока не выгнали нас из Петербурга!»* [25, 47].

Итак, залоговость как аспект выражения предикатного признака реализуется не только с помощью специализированного на протяжении исторического развития восточнославянских языков элемента – постфикса **-СЯ**и др. морфологических средств. Она проявляется через неоднословные наименования предикатного признака с десемантизированным компонентом – вербоиды.

### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон // АН СССР, Институт языкознания АН СССР, Ленингр. отделение. — Ленинград: Наука, 1986. — 298 с.
2. Виноградов, В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов / В. В. Виноградов. — Изд. 2-е. — Москва: Высшая школа, 1972. — 613 с.
3. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, МГУ им. М. В. Ломоносова, Филологический факультет. — Москв: МГУ, Филол. факультет, 1998. — 524 с.
4. Мартынов, В. В. Категории языка: семиологический аспект / В. В. Мартынов. — Москв: Наука, 1982. — 192 с.
5. Ружичка, Р. Несколько соображений о теоретических понятиях «зalog» и «диатеза» / Р. Ружичка // Проблемы теории грамматического залога: [сборник статей] / АН СССР, Институт языкознания, Ленинградское отделение; [ответственный редактор В. С. Храковский]. — Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1978. — С. 16–22.
6. Храковский, В. С. Исчисление диатез / В. С. Храковский // Диатезы и залоги: тезисы конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков» (21–23 окт. 1975 г.). — Ленинград: Б. и., 1975. — С. 34–51.
7. Храковский, В. С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики / В. С. Храковский // Проблемы функциональной грамматики / АН СССР, Отделение литературы и языка, Научный совет «Теория советского языкознания»; ответственный редактор В. Н. Ярцева. — Москва: Наука, 1985. — С. 65–77.
8. Мурзин, Л. Н. Возвратная конверсия предложения: (к постановке вопроса) / Л. Н. Мурзин // Проблемы теории грамматического залога / АН СССР, Институт язы-

кознания, Ленинградское отделение; В. С. Храковский (ответственный редактор) [и др.]. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 118–122.

9. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 175 с.

10. Норман, Б. Ю. Переходность, залог, возвратность : на материале болгарского и других славянских языков / Б. Ю. Норман. – Москва: Издательство БГУ, 1972. – 132 с.

11. Черных, П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк: пособие для педагогических институтов / П. Я. Черных. – Москва Учпедгиз, 1962. – 375 с.

12. Словарь русского языка : в 4 т. / [гл. ред. А. П. Евгеньева]. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – Москва: Русский язык, 1981. – Т. 3. – 750 с.

13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: ў 5 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа; [пад агульнай рэдакцыяй К. К. Атраховіча; рэдкалегія: А. Я. Баханькоў і інш.]. – Мінск: Выдавецтва “Беларуская савецкая энцыклапедыя”, 1977–1983. – Т. 4. – 1980. – 768 с.

14. Словник української мови : [в 11 т.] / ред. кол.: І. К. Білодід (голова) [та інші]. – Київ : Наукова думка, 1971. – Т. 2. – 550 с.

15. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: ў 5 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа; [пад агульнай рэдакцыяй К. К. Атраховіча; рэдкалегія: А. Я. Баханькоў і інш.]. – Мінск : Выдавецтва «Беларуская савецкая энцыклапедыя», 1977–1983. – Т. 5, кн. 1. – 1983. – 664 с.

16. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: ў 5 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа; [пад агульнай рэдакцыяй К. К. Атраховіча; рэдкалегія: А. Я. Баханькоў і інш.]. – Мінск: Выдавецтва «Беларуская савецкая энцыклапедыя», 1977–1983. – Т. 2. – 1978. – 768 с.

17. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов; АН СССР, Институт русского языка. – Москва: Наука, 1977. – 256 с.

18. Янко-Триницкая, Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая ; Академия наук СССР, Институт русского языка. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 247 с.

19. Словарь русского языка: в 4 т. / [гл. ред. А. П. Евгеньева]. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – Москва: Русский язык, 1981. – Т. 3. – 750 с

20. Словник української мови : [в 11 т.] / ред. кол.: І. К. Білодід (голова) [та інші]. — Київ : Наукова думка, 1975. — Т. 6. — 832 с.

21. Беларуская-рускі слоўнік : каля 90000 слоў / Акадэмія навук Беларускай ССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. – Масква: Дзяржаўнае выдавецтва замежных і нацыянальных слоўнікаў, 1962. – 1048 с.

22. Русско-белорусский словарь: [около 110000 слов: в 3 т.] / Национальная академия наук Беларуси, Институт языка и литературы им. Я. Коласа и Я. Купалы; под редакцией А. А. Лукашанца. — Изд. 10-е, переработанное и дополненное. — Минск : Беларуская Энцыклапедыя, 2012. – Т. 2. – 944 с.

23. Антанюк, Л. А. Станавя значэнні сумеснасці і ўзаемнасці ў беларускай мове / Л. А. Антанюк; [рэдактар А. Я. Міхневіч]; Акадэмія навук Беларускай ССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 125 с.

24. Державин, В. Н. Описательный актив и пассив / В. Н. Державин // Русский язык в советской школе. – 1931. – № 1. – С. 37–59.

25. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т / редколлегия: М. Б. Храпченко (главный редактор) [и др.]; комментарии А. В. Чичерина]. – Москва: Художественная литература, 1978–1985. – Т. 6: Война и мир. Т. 3. – 447 с.

Стаття надійшла до редакції 18.09.14

**В. Сидорець, канд. філол. наук, доцент**

Мозирський держ. пед. ун-т ім. І.П. Шамякіна, Мозир, Білорусь

### **ДО ПРОБЛЕМИ КАТЕГОРІЇ *СТАНУ* В СУЧАСНИХ СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВАХ**

*У статті розглядаються питання, пов'язані з проблемою реалізації семантики стану в сучасних східнослов'янських мовах.*

**Ключові слова:** стан, категорія, вербоїд.

**V. Sydorets, the candidate of philology, docent**

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, Mozyr, Byelorussia

### **ON THE ISSUE OF *VOICE* CATEGORY IN THE CONTEMPORARY EAST SLAVONIC LANGUAGES**

*In the article questions connected with the problem of realization of voice semantics in the contemporary East Slavonic languages are considered.*

**Keywords:** voice, category, verboid.

УДК 811.161.2'06373.45'3773.46.005

**Л. Солдатова**, кандидат філологічних наук, доцент

Київський університет імені Бориса Грінченка, Київ

### **СУТНІСТЬ ТА ІСТОРИЗМ ПОНЯТТЯ “МОВА” В ІНДІЙСЬКІЙ ЛІНГВІСТИЧНІЙ ТРАДИЦІЇ (часи ранньої античності VIII ст. до н.е. – II ст. до н.е.)**

*У статті розглядаються проблеми лінгвістичної термінології. Аналізується змістове наповнення поняття «мова» в часи ранньої античності в індійській лінгвістичній традиції.*

**Ключові слова:** мова, тлумачна формула змісту поняття (ТФЗП), поняття.

Метою даного дослідження є аналіз поняття “мова” у добу ранньої античності (VIII ст. до н.е. – II ст. до н.е.) в індійській мовознавчій традиції з точки зору його сутності для подальшого розвитку лінгвістичної науки.

© Л. Солдатова, 2014